

Рина
БЕЖ

Богатые
тоже платят
РАЗВОД
в 4.5

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Рина Беж

Развод в 45. Богатые тоже платят

«Литнет»

2025

Беж Р.

Развод в 45. Богатые тоже платят / Р. Беж — «Литнет», 2025

– Вик, ну зачем нам разводиться? У нас же имущество, клиники. Да и дети...
– А ты считаешь, что повода нет? Твое предательство – не повод? – Это была ошибка. Минутная слабость. Как помутнение, понимаешь? Не более. Прыскаю раз, другой, а затем прикрываю рот ладошкой и смеюсь. Почти до слез. – Ошибка? – переспрашиваю и качаю головой. – Ошибка, дорогой, это уйти из дома и забыть выключить чайник. Ошибка – это дважды посолить суп, когда варишь. А ты мне изменял, Анатолий! – Поверь, мне стыдно, Вика! И перестань истерить! Я не хотел! Так получилось. – А, ну раз не хотел и так получилось, тогда другое дело! Может, и мне не хотеть, но изменить тебе, а? Как тебе, милый, проглотишь? Он смотрит на меня и будто не узнает. А чего, спрашивается, удивляется? Преданная женщина уже никогда не будет прежней.✓# История участвует в литмобе «Развод в 45. Бес в ребро»✓# ОДНОТОМНИК♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

© Беж Р., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Визуал	8
Глава 2	9
Визуал	12
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	41
Глава 14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

– Вик, ну зачем нам разводиться? У нас же имущество, клиники. Да и дети...

– А ты считаешь, что повода нет? Твое предательство – не повод?

– Это была ошибка. Минутная слабость. Как помутнение, понимаешь? Не более.

Прыскаю раз, другой, а затем прикрываю рот ладошкой и смеюсь.

Почти до слез.

– Ошибка? – переспрашиваю и качаю головой. – Ошибка, дорогой, это уйти из дома и забыть выключить чайник. Ошибка – это дважды посолить суп, когда варишь. А ты мне изменял, Анатолий!

– Поверь, мне стыдно, Вика! И перестань истерить! Я не хотел! Так получилось.

– А, ну раз не хотел и так получилось, тогда другое дело! Может, и мне не хотеть, но изменить тебе, а? Как тебе, милый, проглотишь?

Он смотрит на меня и будто не узнает.

А чего, спрашивается, удивляется?

Преданная женщина уже никогда не будет прежней.

Глава 1

ВИКТОРИЯ

– Ой, мля, Лазовская... только с тобой такие приколы могут случаться, – улыбается мне Соболева, сидя в кресле напротив.

Ну да, кому скажи – не поверят. Еще и пальцем у виска покрутят. Где это видано, чтобы хирург высшей категории ехал на вызов по скорой в качестве обычной медсестры...

А я, ничего, еду. И даже улыбаюсь.

Пришла навестить подругу и угостить ее свежее испеченной шарлоткой, а попала в приключение. Ну не плакать же?!

Карета скорой помощи, включив проблесковые маячки, но не сирену – ситуация не экстренная, поэтому не газуем – проглатывает километры дорог по вечернему городу, а я поправляю на себе непривычный голубой спецкостюм.

Он с чужого плеча, но сидит на мне довольно неплохо. Брючки симпатично облегают нижние сто пятнадцать. А куртка лишь чуток тесновата в груди, хотя из-за этого комплексовать совсем не тянет. Моя троечка меня очень даже устраивает, как и моего мужа. Да и куртку сверху легко можно на пару пуговиц расстегнуть. Под ней белая плотная футболка, так что всё более чем прилично.

– Галюнь, ну как ты себе представляешь, что я могла тебе отказать? – усмехнувшись, приподнимаю бровь.

– Да запросто, Вик. У тебя ж отпуск! Первый за хрен знает сколько лет.

– Ну и что, – отмахиваюсь. – Я по тебе соскучилась. Заскочила поболтать. И вот теперь совмещаю приятное с полезным.

– Подрабатывая медсестрой?!

– А хоть бы и так!

– Спасибо тебе, моя хорошая! Ты реально – палочка-выручалочка!

Соболева наклоняется вперед, протягивает ладонь, и я тут же ее пожимаю.

– Я тоже тебя обожун!

Когда поняла, что у Галинки на смене случился непредвиденный триндец, даже не раздумывала. Сразу предложила помощь.

Во-первых, я – врач и выполнять обязанности медсестры, чтобы ей ассистировать, точно могу. Во-вторых, мы с девчонками давно привыкли друг друга выручать в самых разных ситуациях. Ну и в-третьих, а что было делать, когда она осталась буквально одна?

Первая медсестра у нее на смене подвернула ногу. Пару часов назад оступилась, спускаясь с лестницы. Да так неудачно, что лодыжка на глазах опухла, став вдвое больше нормального размера.

Ну а вторая, звезда отважная, никуда ехать не может, так как не расстается с фаянсовым другом. Диарея-с у нее.

Этой красотке хватило ума на спор съесть банку корнишонов и выпить коробку молока.

Мы, конечно, поржали над бедолагой, заверявшей всех, что ее луженый желудок и гвозди переварит, но дружно отправили ее в дальний сортир, чтобы, так сказать, звуками и ароматами не пугать ни себя, ни посетителей.

– Я тоже тебя, Лазовская, обожун, – заглянув в планшет и вбив данные, Соболева его откладывает и посылает мне воздушный поцелуй.

– Не Лазовская, а Бардина, уже двадцать пять лет как, – привычно поправляю подругу. Но та лишь отмахивается.

– Для меня, дорогая, ты как была Лазовской, когда мы на первом курсе меда на перво-сентябрьской линейке познакомились, так ей навсегда и останешься. Смирись.

– Да я привыкла, – соглашаюсь.

А Галинка на своего любимого конька уже садится.

– Бардина – бр-р-р... – морщится, – ну и дурацкая у твоего Анатолия фамилия. Будь я на твоём месте, Вик, ни в жизнь элегантную «Ла-зов-ская», на Бурду не променяла.

– Да нормальная у Толи фамилия, Галь, – привычно защищаю супруга. – И потом, как ты себе представляешь. У меня одна фамилия, а у детей другая?

– А что такого? Обычная практика в современном мире, чтобы кучу документов сто раз не переделывать.

– Вот не скажи, – не соглашаюсь. – Взять хотя бы наш родительский чат. Я – Бардина и Маришка у меня Бардина, – имею ввиду свою младшую дочь. – Я деньги сдала – и сразу понятно, за какого ребенка. А треть класса у нас хрен разберешь кто. Пупкина сдает за Парамонова. Юшкевич за Ремизова. А уж обсуждения когда начинаются – мрак! Черт ногу сломит, с кем ты там до посинения общаешься.

– А ты не общайся, – легко решает вопрос Соболева. – Глянула, сколько бабла на праздники и подарки надо перевести, скинула и забыла.

– А вот не скажи. Маришка только восьмой класс заканчивает, а родительский комитет уже во всю бомбит вопросами по поводу выпускного. Кто, где и как хочет отмечать? И по сколько готов скинуться?

– Ну, по пол-ляма, наверное, – смеется Галинка беззлобно.

Я же только рукой отмахиваюсь.

Выбрал же Толя этот супер-пупер-навороченный лицей. Только успевай отстегивать на всякие нужды. То класса, то школы, то учительницы, то царя-батюшки.

Статус, видите ли, Бардину не позволяет дочь в обычную школу водить.

А по мне, так, чем проще, тем лучше. И учителя старой советской закалки в муниципальных учебных заведениях дают знаний больше, чем эти современные мамзели, шагающие в ногу с прогрессивным миром.

Но Марине нравится, у нее там подружки, потому и помалкиваю. Да и папа без вопросов за все платит.

– Второй подъезд. Приехали, девчат, – информирует нас Михалыч, притормаживая у самого крыльца и сразу включая аварийки.

– Ну, с богом, – хлопает по коленям Галина и, рывком сдвинув дверь, вываливается на улицу.

Спрыгиваю за ней следом и непроизвольно ёжусь. Вторая половина апреля, а будто март на дворе. Холодно, ветрено и влажность повышенная.

– Какая квартира? – уточняю, подхватывая медицинскую укладку.

– Сто двадцать четвертая, – сверяется Галя с данными в планшете.

– Ага.

Пока она жмет цифры домофона, бросаю взгляд на нумерацию квартир и хмыкаю.

– Как обычно последний этаж.

– Ну-у-у... – ухмыляется Соболева в привычной манере, – когда везет, тогда везет.

– И не говори.

Пронзительное пиликанье домофона сменяется комфортной тишиной, а в следующую секунду раздаётся женский голос. Такой глубокий и грудной, что поражает и пробирает до мурашек:

– Я вас слушаю?

– Скорая.

В отличие от меня Соболева не зависает.

– Ой, как хорошо. Проходите, пожалуйста. Лифты слева, консьерж предупрежден, двенадцатый этаж.

Визуал

Знакомимся с **Викторией Владимировной**, пока **Бардиной**, а дальше **Лазовской**, ведь наша героиня не признает полумер.

Любить, так любить.
Рубить, так от души.
Уходить, так навсегда.

Имеет двух дочерей Светлана (замужем, 24 года) и Марина (школьница, 14 лет)

Глава 2

ВИКТОРИЯ

Покинув лифт, осматриваемся. Большая, светлая парадная. Чистота, качественный ремонт, цветы в горшках. Уровень жилья бизнес-класса бросается в глаза.

Нужная нам квартира располагается за поворотом слева. Широкая белая дверь с зеркальными вставками, сбоку камера.

Успеваем подойти. Галина поднимает руку, но до кнопки звонка не дотягивается. Раздается тихий щелчок, ручка плавно опускается вниз, дверь распахивается.

На пороге нас встречает эффектная шатенка.

С меня ростом, а это примерно метр шестьдесят пять или около.

Внешность яркая, запоминающаяся. Бархатная кожа персикового отлива, лицо сердечком. Необычного, очень редкого желто-зеленого цвета большие раскосые глаза и пухлый розовый рот. Но самое броское в ней – густая грива медных волос, завивающаяся мелкими кудряшками, длиной до пояса.

Девушка или молодая женщина – сходу определить не удастся. Выглядит она не старше двадцати двух – двадцати четырех лет, но возраста добавляет взгляд. Прямой, цепкий, без налета наивности, присущего молодым.

Лане, нашей с Толей старшей дочери, несколько месяцев назад двадцать четыре исполнилось, так вот у нее бесхитрость и неискушенность до сих пор на лице жирным шрифтом написаны.

У этой красотки подобной простодушности нет.

Ни в одежде, ни в поведении.

Обычно на пациентов я так внимательно никогда не смотрю. Непрофессионально. Но тут сам облик и одеяние буквально притягивают взгляд.

Из одежды на красотке только шелковая малиновая сорочка с ажурной вышивкой и распахнутый халатик в тон. Если поясок к комплекту и имеется, то в данный момент времени он где-то явно затерялся.

Одежда так откровенно обрисовывает едва прикрытую кружевом грудь размера этак четвертого с очень красивой ложбинкой, и осиную талию, очень эффектно переходящую в крутые бедра и длинные, стройные ноги, что никакая фантазия не нужна, чтобы представлять отличную фигуру.

Как сказал бы грузин: «Пэрсик!»

– Добрый вечер.

Ее глубокий, грудной голос снова дергает меня за нервные окончания.

Странно. Никогда на других женщин так не реагировала.

Или это адреналин в кровь большой порцией вбрасывается, потому что я в медсестринские будни неожиданно окунулась?

– Здравствуйте.

Галина отвечает первой и уверенно делает шаг вперед. Я все повторяю следом.

Медноволосая красотка отступает в сторону. Большая квадратная прихожая легко позволяет нам троим разойтись и не столкнуться.

– Какие вы молодцы, что так быстро приехали. Я так перенервничала, – признается хозяйка квартиры и дергает губы в улыбку, призванной наладить контакт.

Галине контакт не особо нужен. Она уже переключилась на рабочую волну. Поэтому все ее фразы звучат рублено и твердо. Лицо ситуации соответствует – строгое.

– Где пациент?

– В гостиной, – девушка ведет ладонью, указывая направление. И даже как будто сдает позиции, становясь слегка растерянной.

– Тяжесть и давление в груди, боль в левой руке и плече, затрудненное дыхание? – Соболева перечисляет симптомы, записанные в планшете.

– Все так.

– Ясно. Где можно руки помыть?

– Вот, пожалуйста, – обойдя нашу парочку, девушка щелкает выключателем и распаивает дверь справа. – Полотенце на вешалке свежее.

– Спасибо, – Галина не медлит.

Я же, повинаясь новому приглашающему жесту, иду за шатенкой в комнату. Знаю, Галюня скоро присоединится. А я пока пройду и поставлю чемоданчик, потому что он непривычно весомо оттягивает руку.

– Азалия, кто там?

До боли знакомый мужской голос действует подобно порыву шквалистого ветра.

Дыхание перехватывает, кожа опалает острыми иголочками. Я даже слегка оступаюсь. Зато совершенно забываю про ношу в руках.

Господи, бывают же такие удивительные совпадения, чтоб и звучание, и интонация, и растягивание гласных совпадало?

Чудно, право слово!

– Тошенька, это скорая приехала, – интонация девушки с необычным именем переходит в нежное воркование. – Сейчас они тебе помогут, дорогой.

Она толкает вперед не до конца прикрытые двустворчатые двери, открывая проход в гостиную, и оборачивается ко мне.

Трачу эту секунду промедления, чтобы мысленно выдохнуть.

Тошенька – это же Антон!

Не Анатолий.

А то я уж, грешным делом, подумала, что в чужой квартире мой муж находится.

И причина даже не в недоверии к благоверному, во всём ныне популярные веяния виноваты.

Измены. Разводы.

Из каждого утюга про них говорят и пишут. Зайдешь в интернет, реклама книг везде только про предательство. Включишь телевизор: сериалы и передачи о том же. Бабки на скамьях в очереди на прием к врачу и те языками о богохульстве чешут.

Мрак, да и только!

Хотя, если подумать, семейные союзы в последнее время действительно какими-то зыбкими стали. У меня навскидку за последние три года четверо знакомых расстались. В трех случаях мужик загулял, в одном жена, когда узнала, что муж на стороне ребенка заделал.

– Знакомьтесь, ваш пациент, – голос Азалии прорывается сквозь невеселые мысли. Шатенка отступает в сторону. – Мой Анатолий.

И вот теперь я прямым ходом в прозрачную стену врезаюсь, встречаясь взглядом с любимым супругом.

– Добрый вечер, – слетает с губ шелест приветствия.

А внутри по венам вместо крови жидкой азот устремляется, замораживает все на своем пути. Тело, конечности, сердце.

Кажется, я даже тихий хруст корки льда на коже слышу.

– Вика? – Бардин выглядит невероятно удивленным.

Пожалуй, даже больше, чем я.

Зато Соболева, моя Соболева, умело держит удар.

– Ох ты ж ё-ё-ё-ёёё... – выдает она из-за спины, нарушая воцарившуюся тишину. –
Толик-Толик, лучше б ты был алкоголик!

История - участник ЛИТМОБА «Бес в ребро» <https://litnet.com/shrt/gxns>

Подписывайтесь на автора: <https://litnet.com/shrt/gSed>

*Ставьте "мне нравится". Добавляйте в библиотеку, и муз очень скоро выдаст
вам новую проду !*

Визуал

Знакомимся с новыми героями!!!

Анатолий Сергеевич Бардин, 50 лет, женат на Виктории Бардиной, имеет двух дочерей (Светлана, 24 года, и Марина, 14 лет).

Получил мед.образование, но выбрал вместо хирургии предпринимательство. Возглавляет сеть клиник "Ваш доктор" (Виктория считает, что так)

Азалия Сатоева,

29 лет, не замужем, ведущий специалист комитета по здравоохранению области

Глава 3

ВИКТОРИЯ

– И то правда, – соглашаюсь с подругой.

Смотрю на мужа.

Он лежит на диване, как у себя дома. Под головой подушка, сверху накинут плед. Лицо бледноватое и волосы взлохмачены.

Всё чин чинарем, кроме пары вещей. Но весьма важных.

Во-первых, он не дома лежит! Вот ни разу!

Во-вторых, рубашка у него расстёгнута и демонстрирует не только безволосую грудь, но и полоску живота. Пблы в стороны не разъезжаются только благодаря паре пуговиц, на которые ее удосужились застегнуть. Да еще плед на ногах расправлен не идеально, и я, как и остальные, вижу выглядывающую из-под него голую волосатую ногу и носок.

– Хм, а я ведь думала врут девчонки, когда говорят, что у любовниц в доме мужики носки не снимают, – говорю негромко.

Но Соболева слышит и ухмыляется.

– А нахрена им их снимать, Викусь? – хмыкает едко. – Это ж риск. Вдруг неожиданно-негаданно муж заявится и рогами захочет проткнуть. Полуодетым убежать быстрее и не так ссыкотно. Да, Толик?

– Галина, что ты такое говоришь? – возмущается Бардин.

Даже бледность с его щек немного спадает.

– Я говорю, что руки зря мыть ходила. К дерьму прикасаться чистыми – много чести, – безглаголиво выплевывает она в ответ.

– А вы, что, все знакомы? Я правильно понимаю? – подает голос Азалия.

Девушка смотрит на всех по очереди и, наконец додумывается стянуть полы шелкового халата и прикрыть свое полуголое тело.

– Правильно-правильно, – кивает ей Галина. – Двадцать пять лет, как знакомы. С того времени, когда вот эти двое заявление в ЗАГС подали, – подруга кивает на меня и на Бардина по очереди, – а через месяц свои подписи в журнале регистрации брака поставили и друг другу «Да!» сказали.

– Ой!

– Вот тебе и «Ой!», сикуха малолетняя! А ты у нас к тому времени хоть родилась или только в проекте имелась?

– Как вы со мной разговариваете? – вспыхивает шатенка, моментально преображаясь. Вот уже и злобно глазки сверкают, пухлые губки поджимаются. И облик наивной милашки исчезает в небытие.

Права я была, когда в глубину ее глаз заглянула и наивности там не заметила. Неоткуда ей там взяться.

– Как заслуживаешь, так и разговариваю! – припечатывает Галюня. – И не строй из себя тупую овцу, что, мол, не знала, что любовник женатый. У него возраст, деточка, иного не предполагает, это раз. Кольцо на пальце имеется, это два. Ну а три, это то, что только слепоглухо-немой в нашем городе не знает чету Бардиных. Выдающегося и очень уважаемого хирурга, и это я не про твоего ёбаря говорю, – качает головой, – и ее супруга, владеющего сетью клиник.

– А вот я не знала! – выпячивает подбородок любовница моего мужа. – Потому что в моем возрасте еще рано по врачам бегать! К тому же в этом городе я точно лечиться не буду. Если надо, я в Питер поеду, где уровень врачей и клиник в разы выше.

– Ах ты ж тля... – цокает Соболева языком. – Так если ж тут так все хреново, зачем бригаду скорой вызывали?

– У вас все записано. У Тошеньки, то есть, Анатолия, – быстро поправляется девчонка, но я не верю, что она случайно оговорилась. Намеренно сделала, – давление подскочило. Плохо ему. Сделайте укол или что там надо!

Под конец речи она практически требует, показывая свою суть.

Я никак не реагирую. Ближе к Бардину не подойду. Противно после другой бабы к нему прикасаться. Он же даже в душ не ходил. Фу! Мерзавец!

Подруга тоже не спешит спасать «больного». Глядит на него в упор и откровенно стебётся:

– Что, укатили Сивку крутые горки? Затрахала тебя молодая любовница до сердечного приступа, Толюсик?

– Галина Михайловна, – рыкает муж, теперь уже краснея, – прекрати этот цирк! Сделай мне кардиограмму и нитроглицерин дай.

– Ух ты ж, скорострел полувековой, – получает в ответ. – Дай ему! Тебе уже, вон, дали! Унести не можешь! А я, судя по тому, как ты тут командуешь, Бардин, думаю, что тебе не кардиограмму делать надо, а клизму ставить. Пусть и твоя шляндра малолетняя оценит твой дерьмовый внутренний мир, а не только жена, которую ты, скотина, так подло унижил.

Жду, что Бардин огрызнется, но он уже берет себя в руки и говорит твердо, как привык.

– Не лезь, куда не просят, Соболева! Со своей женой я сам разберусь! – давит взглядом и словами, глядя при этом на меня. – Вика, я вообще не понимаю, как ты могла сюда попасть.

– Сюрприз, дорогой, – дергаю губы в усмешке.

Но, наверное, получается плохо, потому что Толя прищуривается.

– Ты ж не следила за мной?

– Ну что ты, милый, я своему мужу доверяла... по наивности...

– Поезжай домой, Вика, – выдыхает он глухо, но взгляда не отводит. – Я тоже скоро вернусь, и мы спокойно поговорим.

Ничего ему не отвечаю, поворачиваюсь к подруге.

– Галин, ты сама тут справишься? Я в машине подожду.

– Конечно, лапусь, иди. Я недолго и спущусь, – обхватывает она мое предплечье, делясь поддержкой.

– Спасибо, моя хорошая.

Ставлю чемоданчик, который все время держала в руках, совсем про него забыв. В тишине покидаю гостиную.

– До свидания, – летит мне в спину, когда распахиваю входную дверь.

Оборачиваюсь, не переступив порог.

Азалия стоит посреди прихожей, смотрит на меня прямо. Ни капли вины или стыда на лице. У нее жизнь по-прежнему прекрасна.

Это моя сегодня рухнула.

– До свидания, – отвечаю ей, не выдавая ни одной эмоции. Уже намереваюсь развернуться и уйти из этой мерзкой квартиры, пропахшей чужим развратом и моими разбитыми надеждами, но черт за язык дергает. – Еще один момент, Азалия. Советую не затягивать с посещением гинеколога. Мой у меня на днях одну неприятную инфекцию нашел... лечение прописал...

Дальше не продолжаю. Киваю и ухожу.

Она не дура.

Два плюс два сложить сможет.

Глава 4

ВИКТОРИЯ

Галина выходит из подъезда спустя пятнадцать минут. Чеканным шагом преодолевает несчастных пять метров, рывком откатывает дверь в сторону и с шумным «Хлоп!» ставит чемодан в салон.

– Михалыч, иди-ка, дружок, выкури на улице сигаретку, нам тут с Викторией Владимировой нужно один важный момент обсудить, – произносит командным голосом, не подразумевающим размышлений или того пуще – отказа.

– Конечно, Галина Михайловна, – тут же кивает мужчина. Отклонившись к пассажирскому сидению, он открывает бардачок и вытягивает оттуда новую пачку. – Покурить – это я с большим удовольствием.

– А вот последнего, будем считать, что я не слышала! – грозит Соболева ему пальцем. – Кури, Леонид, но без удовольствия!

– О, как?!

– А ты думал? – отвечает она строго.

Я даже из пучины кипящей внутри боли вынырываю, чтобы на этих двоих посмотреть. Чудные оба, однако.

– Забыл, что я тебя от этой пакости отучаю?! – приподнимает бровь подруга.

– Да что вы, Галина Михайловна! – вскидывает Михалыч руки вверх. – Помню, конечно. Как такое забудешь?!

– Ладно, иди.

Водитель кивает и шустро покидает салон. Захлопывает за собой дверь и отходит в сторону, практически до следующего подъезда.

– Вика, – обращается Галя ко мне.

Она, наоборот, забирается в карету и, заняв место напротив, обхватывает мои сцепленные в замок ладони своими.

Только в этот момент понимаю, как у меня пальцы заledenели, а саму потряхивает.

– Я домой... – произношу, прочистив горло.

Но Соболева, не дослушав, обрывает.

– Даже не думай, что я тебя туда отпущу!

– Галюнь, я не смогу работать, хорошая моя, – пытаюсь объяснить ей мотив. – В голове будто вата. Никак не осознаю то, что видела...

– А ты не осознавай! – произносит она твердо. – Пусть дерьмо внутри немного уляжется, а мозг я тебе переключить помогу.

Хмыкаю нерадостно.

– Думаешь, у меня получится быть тебе полезной? Да я скорее напортачу.

– Пф-ф-ф... – отмахивается она. – Солнце моё, ты – самый крутой хирург этого города. К тебе из Питера ездят на консультации. Очередь на прием на пару месяцев вперед расписана. Да у тебя не нервы, стальные канаты. Десятичасовые операции выстаиваешь, хоть бы хны! С какого ляда ты напортачишь? Не смей мои помидорки! Из-за какого-то пиздюка лапки складывать? Да хер на него забей, и дело с концом!

– Смеешься?

– Нет. Говорю, что думаю. Кстати, – резко меняет тему. – Мелкая твоя где?

Моргаю. Соображаю.

– Маришка у бабушки до понедельника.

– Супер!

– С чего вдруг? – настораживаюсь.

Соболевский энтузиазм еще в институте доставлял нам с Иринкой Федоровой кучу проблем. Галюня всегда была гораздо на подвиги и на расправу с пиндюками.

В то время всех недостойных она называла именно так, через букву «н» внутри. Не хотела, чтобы бабушка, которая ее с детства воспитывала, ругала за мат и по губам шлепала.

Пиздюками пиздюки стали много позже, когда подруга вышла замуж, а спустя три года развелась.

Возвращаясь со смены на скорой, застучала благоверного на балконе соседки. Тот пытался спуститься со второго этажа, будучи в одних семейниках и носках.

И смех, и грех, и анекдот. В тот вечер муж соседки, дальнбойщик, на сутки раньше срока вернулся из поездки. Виталик спасался бегством от расправы. От медведя, как говорится, ушел, а от лисы нет. Ух, как его тогда Галюня знатно погоняла по кустам роз.

Дело было летом, не жара, пекло. А Виталик даже на развод спустя две недели пришел в одежде с длинным рукавом, царапины прятал.

– Потому что ты тоже, лапа моя, у бабушки будешь! – загадочно улыбается Соболева и следом подмигивает.

Хмыкаю.

– Какая ты бабушка, Галь? У тебя Пашке всего девять.

Имею ввиду ее сынишку.

– Ну, в перспективе, надеюсь, идеальная! – ухмыляется она.

Очень хитро ухмыляется.

Сильно подозрительно.

– Та-а-а-ак... – тяну, предчувствуя, что неугомонная моя дева что-то снова отмочила. – Рассказывай!

И знаете, что самое удивительное?

За нее я в этот момент переживаю больше, чем за себя и свою развалившуюся в дребезги семью. Потому что хорошо знаю подругу. Ради своих – а я на всю тысячу процентов своя, как и она для меня! – она все, что хочешь сделает, даже самую дичайшую дичь.

В том, собственно, и признается.

– Я твоему козлу таблетки дала. Давление действительно высокое, – говорит она хорошую новость. А следом шарашит плохой. – Но на этом не остановилась, Вик.

– Признавайся.

– Я ему «подводную лодку на грунте устроила».

– Галя, нет.

Обхватываю голову руками и тихо стону.

Это тихий ужас.

– Да. Он заслужил, – припечатывает подруга, считая себя абсолютно правой.

– Он нас уроет. Закопает живьем, – говорю ей без преувеличения.

– Пусть сначала в себя придет, – ухмыляется она улыбкой стервы.

– Мочегонное плюс снотворное? Я права?

– Ну еще и магния сульфат... – пожимает дева-воительница плечиками.

– Ма-а-а-а-ать, – тяну, пытаюсь не захохотать истерически, – мало того, что он уснет и обоссется...

– Так еще и обоссется, – добавляет она. – Я в вену укол делала. Для надежности.

– Это пипец!

– Его малолетней ссыкухе точно. Она ж без противогаза.

– После такого матрас менять.

– Я вангую, что и кровать тоже.

Переглядываемся.

– А если он на нас заявит в комиссию? – все же срываюсь на ржач.

– И в доказательство простыни им принесет? – вторит мне подруга. И тут же добавляет то, к чему я и сама прихожу. – Вряд ли, Викусь. Бардин не дурак, поймет, что, открыв рот, моментально не только на наш город серуном прославится, но и на всю область вместе с Северной столицей.

Глава 5

ВИКТОРИЯ

– Смену добьем, отоспимся, а потом позовем Ирку и устроим шабаш ведьм! – предрекает Соболева, когда мы немного успокаиваемся и возвращаем Михалыча на его законное место – за руль кареты скорой.

Ночка выдается напряженной. До восьми утра пятнадцать вызовов.

Мотаемся, как белки в колесе. Кофе выпить лишний раз не получается, не то, что ска-
титься в горестные мысли.

Но, к счастью, больше никаких эксцессов не случается.

– Вот и верь после этого в приметы, – фыркает подруга, когда, сдав смену и заполнив все журналы, встречаемся с ней, чтобы пойти в душ.

– Ты про какие именно?

В медицинской среде их существуют столько, что можно сборник написать. Причем, не только общие врачебные и медсестринские приметы и суеверия, но и разные для каждого отде-
ления.

– Про те, что первый пациент – мужик – к легкой смене. А еще, если проблема была незначительной, то и дежурство будет простым.

– А-а-а... ну да, полный облом у нас вышел.

– Вот и я говорю, что Бардин, гаденыш, даже тут поднасрал.

Переглядываемся с Галкой. Я закатываю глаза и качаю головой. Она довольно усмеха-
ется. Двенадцать часов прошло, совесть ни в одном глазу у нее не проклюнулась.

Впрочем, я тоже не жалею о ее поступке.

– Не писал тебе, не звонил? – уточняет она, вынимая из шкафа, где хранится чистое белье, сразу две простыни. Одну оставляет себе, другую передает мне. – Держи.

– Нет. Тишина в эфире, – прижимая ткань к груди одной рукой, второй достаю из кармана телефон и проверяю экран. – Я на всякий случай включала режим «Не беспокоить», но он даже не понадобился.

– Ну, ясное дело. Мужик всю ночь занят был... не до того ему, – фыркает Галина.

– Господи, – закрываю рот ладонью и все-таки не сдерживаюсь, смеюсь. – Как пред-
ставляю... его и ее... и всё остальное... это ж... ой!

– Ничего-ничего, при давлении очищать организм – очень даже полезное дело. А что касается снотворного, если уж на то пошло, то для успокоения нервов и расслабления орга-
низма в целом оно – незаменимая вещь.

– А побочные эффекты – и есть побочные, да?..

– Сто процентов, Викусь! Ты прям читаешь мои мысли...

Много позже, когда мы втроем: я, Галина и Иринка Федорова – наша третья близкая подружка, тоже врач, но уже акушер-гинеколог, собираемся за столом на кухне в доме Соболе-
вой и еще раз, теперь уже для Иришки, проговариваем случившее, последняя, сверкнув хищ-
ной усмешкой, пожимает Галке руку и выдает собственный вердикт:

– Умничка! Золотая женщина, горжусь тобой!

– Одобряешь?

– Не то слово! Оскара бы дала, кто б разрешил! Да Бардин вам, девчонки, еще спасибо сказать должен, что инвалидом не остался! У нас Викуся, на минутку, практикующий хирург, и в моменте аффекта легко могла бы его корнишон отчекрыжить. А после криво пришить и сказать, что оно так и было! Хрен бы доказал обратное. А так – по всему легко отделался.

– Легко отделался... легко обделался... – играю словами, пока девчонки злорадствуют.

– А что, я не права? – уточняет Иринка у Галюни.

– Права, киса! Еще как права.

– Вот и я о том же! А что касается отдела-ся-обдела-ся... так ничего страшного. Все свои. Просрётся – любимка подотрет. Пусть привыкает и тренируется, раз в штаны к велико-возрастным мужикам лезет.

– Поддерживаю!

Девчонки снова жмут друг другу руки, а после поднимают бокалы.

И меня заставляют.

– Давай-давай, Викась. За нас, красивых и умных!

Не отлыниваю, присоединяюсь. Потому что хоть мой мир и рухнул, а мужчина, которому я посвятила двадцать пять лет своей жизни, предал, променяв меня на молодое тело, я всё еще жива и остаюсь собой.

Да. Внутри практически разрушенная до основания, напуганная до чертиков перспективами будущего развода и не понимающая, как жить завтра и как все объяснять детям, еще и девочкам, что их папа, в котором они всегда видели идеал мужчины, всего лишь кобель обыкновенный, пусть и наделенный умом и сообразительностью. Но! Но я – по-прежнему я, гордая, симпатичная, самодостаточная и в меру умная женщина, адекватно оценивающая свои сильные и слабые стороны, и планирую оставаться такой и впредь.

– Вик, что дальше делать будешь? – интересуется Галина, когда Егор, ее муж, открыв нам очередную бутылку красного полусладкого, покидает кухню.

Классный у подружки второй муж. Он ей точно в награду после первого идиота достался. Вот и сегодня, пока мы отсыпались, обед-ужин наготовил, в магазин за «успокоительным» сбежал, с родителями созвонился и Пашку, их сына, к ним на ночевку отвез. Чтоб мелкий пронира не мешал «шабашу ведьмочек» отводить душу. А сам остался, так сказать, приглядывать за обстановкой, хотя и издалека. На кухне у нас девичник.

– Разводиться, Галюнь, – пожимаю плечами, потому что других вариантов для себя не вижу.

– Не простишь?

– Не знаю, солнце. Может, рак на горе свистнет и прощу. Не в том мы возрасте, чтобы словами «всегда» и «никогда» легко разбрасываться.

– Но?

– Но предательства ему не забуду.

Галина согласно кивает. А Ира озвучивает то, с чем я совершенно и полностью согласна.

– предавший раз, предаст снова. А если даже и нет, то замучается доказывать обратное. Потому что доверие – пипец какая хрупкая вещь. Зарабатывается годами, а теряется в один момент.

– За доверие!

– И за нас!

– За нас уже пили.

– Пили за троих. А по отдельности еще нет.

– И то верно.

– Тогда поднимаем бокалы за Викторию! За нашу победу!

– Кстати, о победе, – вспоминаю вдруг. – Ирусь, я ж этой кудряшке ляпнула, что у меня гинеколог поганую инфекцию нашел. Мол, раз уж мы с одним мужиком спим, иди-ка и ты, девонька, тоже на бяку проверься...

– О-о-о! Мать, да ты и сама жжешь не хуже меня! – подмигивает Галюня. – Эти ж шлю..ни малолетние думают, что раз богатого папика прикарманили, то и в койке единоличными владычицами мужских мудей стали. А женам – серым мышкам ничего не достается. Ты же эту, как там ее, – щелкает пальцами, – Аномалию, Розарию...

– Азалию.

– Точно, Азалию. Так вот, ты своей фразой эту козу-Азалию в явный нокаут отправила.

– Да и черт с ней! – отмахиваюсь. – Пусть хоть в нокаут, хоть в кому впадает. Я, девочки, о другом думаю. А вдруг я на самом деле могла какой-нибудь сранью из-за кобелизма Бардина заразиться?

Глава 6

ВИКТОРИЯ

Просыпаюсь от того, что хитрое солнышко, найдя малюсенькое отверстие в сдвинутых вместе шторах, нагло светит в правый глаз. Даже щеку припекает.

Дергаю головой, чтобы переместиться в тень, зеваю и медленно моргаю.

– О-о-о... – раздается тихий стон от меня слева, – бедная моя голова. Дайте топор. Лучше два.

Поворачиваюсь.

Ируська у стенки корчит страдающую моську.

Только мне ее не столько жалко, сколько смешно.

По сорок пять всем уже стукнуло, а отжигаем так же, как и двадцать лет назад. Редко, но метко. Кто-то – даже очень.

– Ты во сколько ко мне приползла, чудилка? – уточняю хрипло.

Меня спать в детскую отправили в начале третьего, когда я из-за нервов и стресса начала безбожно клевать носом прямо за столом. Девчонки же сиделки решили продолжить.

– Кажется, в четыре... – сипит Иринка, растирая пальцами виски.

– В двадцать минут пятого, – поправляет ее Галина, приоткрывающая дверь и замирающая на пороге, прислонившись к косяку. – И не смотрите на меня так, – хмыкает. – Мне самой об этом Егор рассказал, когда утром волшебные таблетки от головы давал.

– А на нас пилюльки остались? – страдальца слева принимает попытку занять сидячее положение.

Подперев голову согнутой в локте рукой, с интересом за ней наблюдаю.

– Боже, Лазовская, да ты ведьма! – возмущается Иринка, скашивая на меня взгляд. – Только не говори, что у тебя ни голова не болит, ни похмелья нет?

– Иначе на костер отправишь? – хихикаю.

– Иначе в блондинку перекрашусь! Буду, как ты, светленькая.

– Э-э-э, – грожу ей пальцем, – даже не думай свои рыжие шикарные кудри портить! Я их обожаю такими, какие они есть.

– Ну ладно, уговорила, не буду трогать, – соглашается моментально, сверкая веселыми искорками в глазах, а в следующую секунду едва не облизывается и не мурчит от удовольствия.

Галинка протягивает ей две красненькие пилюльки и стакан с водой.

– Соболева – ты моя спасительница. Я тебя обожун!

– Я вас обеих обожун! – не остается та в долгу и, посмотрев на меня своими глазами-рентгенами, уточняет. – Викусь, ты как? Тебе точно лекарство не надо?

– Не, норм. Голова в порядке, – прислушиваюсь к себе. – А то, что душа болит, – морщу нос, растягивая губы в кривоватой улыбке, – так она и должна болеть. Ампутация безболезненно проходить не может, даже если это всего лишь ампутация чувств.

– Да уж, – тянет Иринка, прижимая опустевший стакан к груди, – жаль, что нельзя одним щелчком, будто свет выключаешь, отрубить и любовь, и привязанность, и обиду и с болью.

– Мы ж не роботы, – фыркает Галина и с высоты собственного житейского опыта выдает. – И вообще, девочки, всё, что нас не убивает, делает сильнее.

– Точно, – решительно с ней соглашаюсь. – Вот и я не убьюсь на радость Толику и его Азалии. Не дождутся, голубки. Маленько только пострадаю, что ж я не человек что ли, а потом обязательно стану сильной и независимой...

– Непременно станешь, Вик! – девчонки дружно меня обнимают.

Полчаса спустя, заняв по очереди ванную, уплетаем за обе щеки завтрак и наперебой нахваливаем Егора.

Муж Галины, пока она нас будила, успел всем приготовить горячие бутерброды, пожарил яичницу с сосисками и даже для любимой жены овсянку заварил.

– Можно мне вторую чашечку кофе, – прошу хозяина дома, когда все время молчавший телефон оповещает о входящем вызове.

– Вот говнюк! – фыркает Иринка, прочитав имя абонента на экране. Иначе Бардина она теперь не называет. И что-то мне подсказывает, это прозвище за муженьком отныне в нашей компании закрепится намертво. – Жопой что ли он чувствует, что ты занята, и специально наяривает, аппетит портя?

– Вполне вероятно, что именно ей. Она ж у него теперь чувствительная, – кхекает Галина.

– Не порти мужу аппетит, – смотрю на нее наигранно сурово и безжалостно сбрасываю вызов.

Права Иринка. Завтрак надо вкушать на позитиве, а Анатолий с некоторых пор вызывает у меня все что угодно, но только не радость.

Бардин же в кои-то веки проявляет настойчивость. За первым вызовом следует следующий. И еще один.

Вновь активирую режим «Не беспокоить», который с какого-то фи́га вчера отключила. И тогда от Бардина прилетает сообщение.

«Вика, нам надо поговорить. Приезжай домой. Я тебя жду».

Перечитываю дважды, затем поворачиваю экран к двум любопытным мордам.

– И, что, прям сейчас сорвешься и поедешь? – прищуривается Соболева.

Федорова просто молча сводит брови к переносице.

Егор в наши девичьи разговоры не вмешивается, уминает бутерброд.

– Да вот еще, – выдаю я, секунду подумав, – мы ж, Галин, к вам в баньку за город собирались съездить, раз уж у всех троих сегодня выходной день выдался. Так как? Планы еще в силе?

– О-о-о, конечно, в силе, солнце моё! – расплывается Галка в улыбке и к мужу под бочок ныряет. – Егорушка, ты ж нам венички запаришь, да, родное сердце?

– Запарю, куда я денусь, – усмехается тот. – И шашлык жарить надо будет?

– Лучше рыбку, – облизывается Иринка, у которой головная боль по всей видимости уже полностью прошла. Сидит, сияет.

– Ой, ну и лисы вы, девчонки, – ухмыляется Егор, но заказ принимает.

Я же активирую экран и, прикинув время, пишу Бардину сообщение.

«В восемь вечера буду».

Отправляю и снова врубаю «Не беспокоить».

Быть послушной и удобной женой для того, кто, оказывается, этого не ценит, больше не хочу. Я мужа много раз с работы ждала, когда он, прикрываясь поездками и делами, дома зачастую отсутствовал. Сейчас понимаю, что с любовницей отдыхал.

Ну вот теперь отдыхать буду я, а он, если уж ему приспичило, пусть сидит и ждет.

Глава 7

ВИКТОРИЯ

Сворачиваю в переулок. Наш дом третий по левой стороне. Уже видна его покатая темно-зеленая крыша. Смотрю на такой привычный фасад за высоким кованным забором и отчетливо понимаю, что не хочу покидать машину и туда заходить.

Еще пару дней назад там было моё всё. Семья, моя крепость, моё сердце, место силы. Туда после сложных смен рвалась моя душа.

А сейчас... это просто дом. Кирпич, бетон, черепица.

Проезжаю в ворота, паркую машину на привычном месте и принимаю звонок.

– Слушаю!

– Виктория Владимировна, добрый вечер! Это Догилев, – голос главного врача МКБ чересчур напоминает липкую патоку.

– Добрый, Евгений Захарович! – отзываюсь ровно.

Хотя начало мне уже не нравится. Звонок начальства редко сулит что-то хорошее. Обычно очередной геморрой.

И не волнует никого, что я в законном отпуске, который оформлен на всю следующую неделю и плюс еще три дня.

Так и оказывается.

– Орлову на утро вторника назначена плановая операция на колене, а Говорков с воспалением слег. Провести ее, естественно, не сможет.

– Евгений Захарович...

– Виктория Владимировна, – перебивает, – я помню, что вы в отпуске, но и вы меня, голубушка, поймите, губернатору, пусть и бывшему, не отказывают.

– В отделении шесть хирургов помимо Говоркова, – предпринимаю очередную попытку съехать. – Его есть кем заменить.

– Да, есть, но вы же лучшая! – подлизывается он внаглую.

Как же хочется послать его подальше... кто бы только знал...

Но вместо этого вежливо соглашаюсь.

– Хорошо, Евгений Захарович. Давайте поступим так. Завтра я подъеду, внимательно ознакомлюсь с медкартой пациента и посмотрю все его анализы. Только тогда озвучу решение по операции.

– Спасибо, Виктория Владимировна. До свидания! – раздается в ответ, и абонент отключается.

Опускаю уснувший телефон на колени и прикрываю глаза. Делаю глубокий вдох...

И что дальше?

Идти в дом?

Да. Надо.

Как не крути, предательство уже случилось. Об измене я узнала. Юлинь Бардину нет смысла. Как и мне разыгрывать непонимание.

Остается только сесть и просто поговорить... решить, что и как будет дальше...

Но кого я обманываю?

Просто нам точно не будет.

Двадцать пять лет вместе.

Я так радовалась крепкой семье. А она-то, оказывается, не крепкая.

Толя себе молодую девочку нашел. А меня, выходит, в утиль списал. Как использованный материал.

Выдыхаю, открываю глаза, глушу машину и покидаю салон. На улице прохладно. Весь день припекало солнце, но теперь оно село, и сразу стало как-то промозгло.

Или этот холод идет изнутри, потому что преданное сердце покрылось льдом?

Вхожу в дом, оглядываюсь по сторонам.

Всё привычно, всё на своих местах. Даже ботинки Бардина привычно стоят не по линии, как вся остальная обувь, а скинуты, «как получилось».

Наклоняюсь, хочу их поправить. Доведенное до автоматизма движение. Но за секунду до – сама себя торможу.

Лишнее теперь.

В гостиной работает телевизор. Значит, он там. Снимаю обувь, убираю в ящик. Определяю на вешалку плащ. Мне не до аккуратности, но срабатывает все тот же механизм «отлаженного действия».

Бросаю короткий взгляд в зеркало. Блондинка с бледным, немного осунувшимся лицом и серьезными карими глазами. С виду – собранная, холодная и неприступная. Но внутри всё сжимается и болит. Болит так, как я не думала, что может болеть.

Кажется, уже нечему, все в клочья подрано, ничего целого не осталось. Ан нет, агония продолжается.

Как он мог быть настолько жестоким?

Захожу в гостиную. Муж сидит в кресле. Светло-голубая рубашка, галстук, синий костюм. Абсолютно не домашняя одежда.

Собирается куда-то уезжать? К ней?

Скольжу по нему взглядом.

Как он так? За что?

Анатолий не особо высок, но с моими ста шестьюдесятью его сто семьдесят пять – вполне приличный рост. Он крепкий, хорошо сложенный мужик, который не пренебрегает спортом. Пресловутых кубиков, конечно, нет, но и живот не дряблый, не выпирает подушкой безопасности. Мощные плечи, сильные руки, длинные чувствительные пальцы...

Ох, уж эти пальцы... он дарил мне ими столько нежности и ласки...

Как он мог трогать ими другую бабу?

Поднимаюсь взглядом выше. Острый покрытый седеющей щетиной подбородок, седина и в волосах, крупный нос, четкая линия губ.

Я так их любила целовать.

Я его всего так любила!

– Вика?

Муж замечает мое присутствие, вглядывается в мое лицо. И начинает хмуриться.

Удивительно, с чего вдруг?

Неужели думал, что я приду с улыбкой на лице и связкой шариков в руках? Сделаю вид, что пару дней назад у меня случилась амнезия – кирпич вдруг на голову упал и выбил из нее знание, что мой муж меня предал – и буду хлопать ресницами и строить из себя тупую блондинку?

Нет.

Не буду.

Я так не умею.

Анатолий это осознает. Выключает телевизор и тяжело вздыхает.

– Проходи, Вика, – говорит голосом, каким обычно раздает приказы подчиненным, – будем разговаривать.

Не спорю. Прохожу. Останавливаюсь возле окна, там, развернувшись, и замираю. Садиться нет желания, так я кажусь себе еще более уязвимой.

Хотя куда уж сильнее?

=====
 Приглашаю вас в свою новинку **"Бывшие. Я вас верну"** <https://litnet.com/shrt/EEjY>

"Позаботься о Снежке. Скажи ей, что мама ее любит"
 Сообщение от бывшей жены упало на телефон замначальника управления уголовного розыска за десять минут до того, как на пульт дежурного поступила информация, что на один из филиалов Кредо-Банка был совершен вооружённый налет.
 Четверо нападавших не успели скрыться и забаррикадировались в здании вместе с заложниками. В их числе оказалась и Рита, бывшая жена майора Чернышова.

 ✓# Очень эмоционально ✓# Общий ребенок ✓# После развода
 <https://litnet.com/shrt/YDkc>

Глава 8

ВИКТОРИЯ

– Значит, ты мне изменяешь, – фразу удается произнести удивительно ровно, хотя внутри все в крошево.

Толя внимательно вглядывается мне в лицо, что-то пытается отыскать в глубине глаз. Наверное, не находит, потому что снова вздыхает.

– Я не хотел, чтобы ты узнала, – отвечает, поморщившись.

Соотношу его слова с его мимикой. Вывод напрашивается сам собой. Неутешительный вывод.

Он совсем не чувствует вины. И печалит его не факт неверности, как таковой, а всего лишь то, что тайное стало явным. И тем самым подкинуло ему ненужных проблем.

– Почему, Толь?

– Да потому что я – мужик! – повышает он голос. – Я – мужик, Вика! Мне разнообразие порой требуется. Свежая кровь!

За два прошедших дня я чего только не передумала, чего только не представила, что он мне ответит. Гадала, будет ли оправдываться.

Но такое...

Даже спустя двадцать пять лет Анатолий не перестает удивлять. Правда, теперь не приятно, а отталкивающе.

Свежей крови ему захотелось! Вот и вся причина, а я-то голову ломала...

Господи-боже, тоже мне нашелся король ночи и ночных горшков...

– В вампиры что ли подался? – не сдерживаю смешка.

Моя улыбка его явно подначивает. Бардин начинает злиться. Крылья носа раздуваются, черты лица каменеют, глаза вспыхивают гневом.

– Нет, не подался! Не говори ерунды!

– Пока что из нас двоих ерунду говоришь только ты, – пожимаю плечами. – Свежая кровь... А я, по-твоему, какая кровь? Старая?

– Вик, ты, правда, хочешь услышать ответ?

– Да, хочу. Объясни, что со мной не так?

– Тебе не двадцать пять. И не тридцать.

Теперь вздох срывается с моих губ.

– Я слежу за собой!

И это действительно так.

Конечно, фигура после двух родов округлилась, превратившись из девичьей в женскую. Но так округлились бедра и грудь, талия осталась тонкой, ноги стройными, живот подтянутым... Лицо... я – симпатичная. Даже очень. Он сам говорил, что я красивая... Сам он... Макияж, прическа, никаких халатов... И это наряду с работой и двумя детьми.

Так что ему еще надо?

– Ты... – сцепляет он пальцы в замок, – следишь, конечно, Вика. Но время никуда не денешь.

Такой разговор у нас впервые.

Анатолий всегда был моей опорой. Тем, кому я доверяла безусловно. Тем, кому стремилась дать самое лучшее, всю себя, как и детям.

А теперь получается, я для него недостаточна хороша?

Постарела?

Гравитация, мать его ети, тянет меня к земле! А ему феечек воздушных подавай?!

– А она? Этой твоей... Азалии... сколько? – унижительный вопрос, но я хочу знать ответ.

– Двадцать девять.
– Двадцать девять... ага... на пять лет постарше нашей дочери... – качаю головой. – Ну, спасибо тебе, Толь, что хоть не малолетку подцепил. И не Светланкину подружку.
– Ну я ж не совсем идиот, Вик.
Я бы поспорила. С пеной у рта.
Только что это изменит?
Он же себя правым мнит.
Однако, от шпильки удержаться не могу.
– Кто ж тебя знает, Толя. Седина в бороду, бес в ребро... то ли еще будет. До блядства же ты уже созрел. Может, и малолетки впереди предвидятся.
– Вик, не дерзи! Тебе не идет скатываться в разговоре до базарных бабок.
– А тебе, Толя, не идет быть предателем. Но ты ж им стал, меня не спросив.
Бардин фыркает и окидывает снисходительным взглядом.
– Вик, ну какое предательство? Проснись уже. Мир изменился, родная. Моногамия давно – пережиток прошлого. Все мужики изменяют женам. А те, кто говорят, что нет – врут.
– Врут, значит...
– Ну, конечно! – он приближается и сжимает меня за плечи в тисках крепких рук. – Ничего страшного не случилось. Понимаешь?! Женат я на тебе! Детей завел с тобой! Живу тоже с тобой! И жить дальше собираюсь...
– Собираешься, значит... – повторяю за ним. – А как же Азалия?
– Забудь про Азалию? Она в курсе, что я – мужчина женатый. Ни на что сверх того, что я ей даю, не претендует.
– Даешь, получается, ей? А меня... меня, выходит, обделяешь?
– Вик, ну, прекрати! Разве я на тебе хоть когда-нибудь сэкономил? Нашим девчонкам в чем-то отказывал?
Почему я не плачу? Больно же...
Ни разу за все время, что мы женаты, я не посмотрела на другого мужчину.
Ни разу никого с ним не сравнила.
Бардин всегда оставался для меня лучшим. Так было в двадцать. Так было в тридцать. Так было еще два дня назад.
А теперь...
– Я подаю на развод... – все, что мне остается.
Лучше нести звание «старой и несовременной», чем из раза в раз оказываться предаваемой тем, кому всецело доверяла.
Бардин, отошедший за время разговора на пару шагов, молнией подлетает назад и хватается за плечи.
– Вика, включи голову! Ну зачем нам разводиться? – легонько встряхивает и давит голосом. – У нас же имущество, клиники. Да и дети...
Я втягиваю воздух, не понимая, почему он так нещадно жжет легкие.
– А ты считаешь, что повода нет? Твое предательство – не повод?
Анатолий шумно выдыхает и проводит пальцами по волосам, портя свою прическу.
– Давай будем считать, что это была моя ошибка. Минутная слабость. Как помутнение, понимаешь? Не более.
Прыскаю раз, другой, а затем прикрываю рот ладошкой и смеюсь.
Почти до слез.
– Будем считать ошибкой? – переспрашиваю и качаю головой. – Ошибка, дорогой, это уйти из дома и забыть выключить чайник. Ошибка – это дважды посолить суп, когда варишь. А ты мне изменял, Анатолий! Кстати, как долго?
Молчит. Злится. Играет желваками и не отвечает.

И вдруг сквозь зубы выдает.

– Поверь, мне стыдно, Вика! Стыд-но! Только перестань истерить и бросаться в крайности! Я не хотел изменять! Так получилось.

– А, ну раз не хотел и так получилось, тогда другое дело! Может, и мне не хотеть, но изменить тебе, Толь? Как тебе, милый, проглотишь?

Он смотрит на меня дикими глазами и будто не узнает.

А чего, спрашивается, удивляется?

Преданная женщина уже никогда не будет прежней.

Глава 9

ВИКТОРИЯ

– Ты? Мне? Собралась изменять? – переспрашивает Анатолий, делая паузы после каждого слова.

– А почему нет, Толя? Почему нет? Я буду очень-очень этого не хотеть, клянусь тебе... внутри, в душе, я непременно стану стыдиться и сопротивляться, но сделаю.

– Ты не сможешь, – качает он головой.

– Да запросто! Уж полежать за себя я всяко сумею.

Шумно выдыхает, прожигая меня прищуренными глазами.

– У тебя ничего не выйдет!

– С чего вдруг? – развожу руки в стороны. – Думаешь, если для тебя я – старая, так и для других некондиция? Считаешь, на меня никто не взглянет?

– Вика, хватит! – повышает голос. – Я такого не говорил!

– Вот и правильно, дорогой, – усмехаюсь, пропуская его вспышку мимо ушей. – Может, для пятидесятилетних я и старушка, – рисую пальцами кавычки, – но так еще и шестидесятилетние мужички в ассортименте имеются. И в койке они нередко бывают ух, какой огонь. Даже детишек своим подружкам заделывают.

Сколько скандалов по телевидению было, что немощные старики, которым прогулы на кладбище ставят, стругают карапузов со своими вторыми, третьими и десятymi женами... мама дорогая! Хоть телевизор не включай!

– Что ты несешь, Вика?! Какие детишки?

– Маленькие, пищащие. Иногда с волосами, но чаще лысые. Может, помнишь, у нас за время брака двое таких родилось, – сарказм – наше всё. – И, кстати, я не несу, Толик. Я рассуждаю... по поводу возраста. И знаешь, о чем еще думаю?

– Еще о чем-то? – хмыкает, скалясь.

– Аха! Мне не обязательно смотреть исключительно в сторону пенсии, дорогой. Дамы постарше нередко нравятся мужчинам помоложе.

Сжатой в кулак рукой проводит по линии челюсти и, закрыв на минуту глаза, выдает недоверчиво:

– Боже, ты что? На малолеток решила заглядываться? Вика-Вика, прекрати нести чушь! Мужчина в сорок плюс и женщина в сорок плюс – это небо и земля. И угадай, кто сверху? Нас нельзя сравнивать.

Нельзя сравнивать?

Дайте лопату, одному царьку срочно нужно поправить корону.

Впрочем, словесно тоже можно неплохо размазывать.

– Так это же если возраст один, Бардин, – напоминаю супругу маленькую важную детальку. – А у нас с тобой, даже десятилетия разные. Мне всего лишь пятый десяток. А у тебя уже шестой. Чувешь разницу?

– Это бред.

– Нет! Это дело вкуса, – цокаю языком. – Как говорится, сколько людей, столько и мнений.

– Ты мне мстишь, да? – морщится.

– Только не говори, что открыл Америку.

– Я никогда не думал, Вика, что ты настолько циничная истеричка. Хотя, о чем я? Стоит вспомнить твоих чокнутых подружек, и удивляться нет причин.

Вот гад! На святое рот открыл?!

– Ты моих подружек не трогай! – медленно вожу головой из стороны в сторону.

Порву.

И он это знает.

Но все равно провоцирует.

– С чего вдруг, Вика? – ухмыляется неприятно. – Нет, родная. Неприкосновенных у нас нет. Твоя Соболева ответит за то, что натворила!

– А что она сделала, Толь? Поделись секретом.

– А то ты не знаешь!

– По поводу пи-пи или по поводу ка-ка возмущаешься? – перенимаю его хамство.

– Она могла меня убить! – ревет диким вепрем. – Ее непрофессионализм...

– Помог тебе сбросить килограммов пять дерьма? Или больше? На весы не вставал случайно?

– Ты совсем дура?

– Теперь понимаю, что да, – не собираюсь спорить. – А любимка твоя как? Умница? Помогла чистоту навести или сбежала, сверкая пятками?

– Не суди всех по себе! Азалия меня не бросила. И двое суток...

Фыркаю и перебиваю...

– ... в аптеку за памперсами для взрослых бегала? А присыпку для нежных поп тоже покупала?

– Вика, ты переходишь границы! – наступает, сжимая кулаки.

А что Вика? Вика, дура, проморгала лосиные рога на голове. Да еще такие ветвистые! Хрен знает, как долго отпиливать придется, а потом еще от перхоти избавляться...

Какие уж тут теперь границы?

Потому и несет так, что мозг за языком не успевает.

Никогда такой грубиянкой и хамкой не была.

Никогда не шла на открытый конфликт.

Никогда не провоцировала не то что на скандал, на рукоприкладство.

То-то Толик не понимает, что делать.

Интересно, а ударить он меня может?

Раньше никогда о таком не задумывалась. Но так и повода не было. А сейчас... я действительно хочу вывести его за пределы адекватности и посмотреть, на что он – тот, которого я, оказывается, совершенно не знаю, еще способен.

Ударить? Избить? Придушить?

– Границы, Анатолий, перешел ты, представ голым в квартире любовницы перед законной супругой, – чеканю, глядя ему в глаза. – Галя всего лишь чуть-чуть неудачно пошутила.

– Чуть-чуть пошутила?

– Именно, Бардин. И лучше тебе случившееся воспринимать именно так и не делать в ее отношении никаких злостных поползновений, иначе...

– Ты мне угрожаешь?

– Точно! – киваю и продолжаю с того, на чем остановилась, – ... иначе о твоём большом конфузе узнают все заинтересованные лица. Нравственные качества, может, теперь и не особо ценятся, Толя, но честность вряд ли не в почете. Особенно, у людей бизнеса.

Бардин долго испытывает меня взглядом. Возвращается в свое кресло, садится, широко расставив ноги. Упирается локтями в колени и обхватывает голову руками.

– Вика-Вика, посмотри к чему мы пришли? На что сейчас похожа наша семья?

– На руины? – даю ему подсказку.

Именно так я вижу нашу «семью».

– Я этого не хотел.

Усмехаюсь невесело.

– А чего ты хотел? Прийти и якобы покаяться, посыпать голову пеплом, – кривлю губы, не скрывая, насколько мне больно и неприятно, – и ждать, что я прошу и тем самым дам тебе карт-бланш на дальнейшие потрахушки? Ведь если раз проглотила, то и дальше глотать буду?

– Вик, я надеялся и всё еще надеюсь на снисхождение. Ты же добрая женщина. Умная, здравая. Все могут совершать ошибки. Я оступился. Да, признаю. Но я тебя люблю. Ты – мать моих детей! Ты – моя жена! Нам хорошо было вместе. Так зачем это разрушать?

– Ты мне еще о детях посоветуй подумать! – подсказываю ему.

– А я посоветую, милая. Не сомневайся, – прилетает мне то, чего я просила. – Хочешь девочкам сделать больно?

– Я? Больно? – стою и, как сова, хлопаю круглыми глазами. – Бардин, ты говори-говори, да не заговаривайся. Это не я делаю им больно, это ты ударил нас всем в спину. Жену предал. Дочерям показал, насколько мир хрупкий и гнилой. А их папочка – ни разу не рыцарь в блестящих доспехах.

– Мы может им этого не сообщать...

Не сообщать.

Сделать вид, что всё в порядке.

Ну да, конечно.

Как здорово он все решил.

За всех.

Вот теперь мне срочно требуется присесть. Подхожу и опускаюсь на диван.

– Мне нужно побыть одной, – озвучиваю единственную мысль, которая поможет сейчас выкарабкаться.

– Серьезно хочешь, чтобы я уехал? Вик, ты сплетен не боишься?

Я чего-то явно не понимаю в этой жизни. Всегда считала себя умной, а теперь смотрю на того, кто еще вчера был мне дорог, и никак не соображу, в какой момент он меня разлюбил? И почему я этого не заметила?

Рядом с ним мне душно, тяжело и слишком больно. Чувство такое, точно я в первый раз вижу перед собой реального человека, а не образ, созданный моим подсознанием.

И этот реальный человек – для меня чужой.

– Да, я хочу, чтобы ты уехал, – произношу, глядя ему в глаза. – Мне надо подумать.

Анатолий согласно кивает. Поднимается на ноги.

– Вика, ты же умная женщина. Не руби с плеча. Подумай хорошенько. Всё взвесь. Мы вполне можем остаться вместе. Семей. И я согласен не требовать от тебя верности, раз уж сам допустил гульки на стороне.

Гульки на стороне... у мужика на шестом десятке.

После этих слов хочется просто заткнуть уши.

Глава 10

ВИКТОРИЯ

Анатолий уходит.

Глядя в пол, слушаю его шаги и вздрагиваю, когда раздается негромкий хлопок двери.

Ушел...

Куда? К ней?

На губах, словно приклеенная, застывает улыбка, а внутри ступор.

Раньше бы не усидела на месте, сорвалась со всех ног. Если не вдогонку, то хотя бы к окну, чтобы посмотреть, действительно уедет или будет стоять и ждать, что передумаю и захочу его вернуть.

Да, по молодости мы нередко ругались. Кровь кипела, эмоции бурлили. Но и остывали быстро, мирились сладко. Правда, и причины для выяснения отношений были иные, почти наивные и никоим образом не связанные с предательством.

Теперь все иначе.

Сижу и даже мысли не проскальзывает, чтобы подняться и пойти посмотреть ему вслед. Состояние – не то отупение, не то омертвление. И только боль, что кипит и разъедает всё внутри, как кислота, доказывает – жива. Еще жива.

Сорокапятилетняя уже не являющаяся ценной для собственного мужа бабенка...

С задницей, что теперь не такая упругая...

И сиськами, не стоящими, а висящими после двух родов...

Ах да, еще разрешением испробовать чужой член.

В глазах неимоверно печет, но слез нет. Прикрываю их и, спрятав лицо в ладонях, с усилием его растираю.

Жалко себя.

Тупо, по-бабы жалко.

Я привыкла быть сильной. Выглядеть в глазах своих, да и чужих тоже, стойкой и выносливой железной леди. Врач, хирург. Все дела.

Сейчас я – размазня. Для себя, так точно.

Дважды униженная мужем, даже ели он сам этого не понял.

Первым предательством стала его измена. Вторым – предложение уподобиться его блядской натуре и тоже гульнуть.

Вот тебе и вместе на всю жизнь.

От собственной наивности тошно.

Я же искренне верила, что любовь – это не только про грудь и жопу, не про двадцать девять лет, не про то, кто заглатывает глубже, когда сосет...

Я в клятвы, которые мы давали друг другу в день свадьбы, верила. В слова «Любить друг друга, ценить друг друга, уважать и никогда не предавать».

Выходит, для Бардина все обещания – просто пустой звук.

Пшик.

Сегодня дал, завтра взял... потому что срок годности вышел.

Боже-боже, о чем после такого можно говорить?

Какую семью сохранять?

Ту, которой, оказывается, давно нет?

А оно мне надо? Играть в одни ворота?

Точнее, продолжать играть в одни ворота.

Ведь оглядываясь назад, стоит признать, что я сама во многом виновата. Потому что изначально поставила мужа на первое место.

Посчитала главное себя. Важнее себя. И своими словами, поступками, всесторонней поддержкой везде и во всем сама взрастила в нем это чувство.

А он по иронии судьбы взял и уверовал в то, что он действительно крутой перец. Царь и Бог, пуп земли и номер один.

А мы с детьми где-то там, дрыгаемся сзади, как говорят, на подтанцовке.

Не знаю, сколько времени проходит в странных мыслях на грани истерики. Я словно в кому впадаю – вспоминаю прошлое, нашу молодость, активность, улыбки, смех, стремление быть всегда вместе, рождение первой дочери, упорную работу, начало бизнес-карьеры Толи, мое продвижение по карьерной лестнице, покупку собственного жилья, рождение второй дочери, строительство этого дома...

Сколько здесь всего было... И радостей, и горестей. Общих. Наших. На двоих.

А теперь все в прошлом.

Нас двоих больше нет.

Есть одна я и он, не один, а с любимкой.

Поднявшись на слегка онемевшие ноги, иду в кухню. Включаю греться чайник, завариваю себе чай.

А то, что сказал мне муж, так и не отпускает.

Молодец, ничего не скажешь. Фактически вылил на меня ведро помоев и оставил в нем барахтаться. Еще и о любви наплел.

Грустно улыбаюсь.

Какая любовь?

Грязь – да. С избытком.

Уважение, честность, преданность – всё мимо.

Господи, как бы отключить голову?

Так сильно хочется... а как сделать – не понимаю. Еще и звенящая пустота большого дома напрягает.

Непривычно.

Неестественно.

Да уж, сегодня вряд ли усну. Даже с моей прокачанной нервной системой это выполнить не под силу.

Беру плед, чашку чая и иду на веранду. Холодно, но разворачиваться не спешу. Закутываюсь в мягкую ткань, опускаюсь в кресло-качалку и мелкими глотками неспешно отхлебываю чай.

Становится теплее.

А вот мыслей в голове лишь прибавляется. И я всё думаю, думаю, думаю.

И о том. И об этом. В основном о плохом. Хорошего пока в упор не замечаю.

До меня пока плохо доходит, что жизнь уже изменилась, и как прежде никогда не будет. Что больше нет Виктории и Анатолия Бардиных. Что мои испытания только начинаются.

Моя история про еще одного врача "Тётя доктор, не уходи!"

<https://litnet.com/shrt/xWYh>

– Тётя доктор, не уходи... – шепчет маленькая девочка и цепляется тонкими пальчиками за мою руку, прежде чем анестезиологическая маска опускается ей на лицо. Прикосновение, тихие слова, а меня будто током прошивает. Я чувствую с ней связь, такую же крепкую, как с моим нерождённым ребёнком. Лед, что прочно окутывал сердце после предательства мужа и сестры, начинает крошиться. – Я не уйду... а ты обязательно будешь ходить... – обещаю ей и себе тоже. Прочищаю горло и твердо проговариваю. – Начинаем операцию.

Глава 11

ВИКТОРИЯ

Депрессия.

У меня есть все шансы скатиться в нее. Повесить «камень на душу», опустить руки, изолировать ото всех и начать винить в произошедшем себя – в первую очередь.

А что?

«В измене виноваты оба», – с пеной у рта любят доказывать не только изменники, но и возомнившие себя знатоками истины некоторые психологи.

И ведь есть те, кто ведется. Кто примеряет на себя вину, как корону, и полной ложкой выгребает дерьмовые последствия. Ест их, давится, но все равно глотает. Ломает себя, подстраивается, прогибается.

Я сама не далее, как несколько часов назад пришла к такому же выводу. Что сама виновата в предательстве меня же, потому что, глупая, возвысила мужа.

Только я была не глупая, а любящая. Та, кто стремилась отдавать, веря, что взамен получит не меньше. Любовь, ласку, поддержку. И только.

А по поводу виноватых в измене – да, их двое. Согласна. Только не предатель и преданная, а изменник и та, с кем он изменяет.

Не собираюсь облачать в белое пальто этих юных неземных нимф, которые якобы не знали, что мужик на пятом десятке, ухоженный и обеспеченный, оказывается внезапно женат.

Как так?! Да не может быть!

Враки!

Все они всё знают. До мелочей.

И планируют свои действия наперед. С холодным расчетом и цинизмом.

Любимая фраза таких вот пиздюлин: «Жена – не стена, подвинется».

Только я не собираюсь «двигаться», как и жрать последствия загула мужа, подстраиваясь под новые реалии и его «предложения».

Я собираюсь проткнуть гнойник и выпустить всю гадость наружу.

Да, принято считать, что прыщи выдавливать нельзя. Есть риск подхватить инфекцию, а впоследствии на этом месте получить пигментное пятно, шрам или рубец.

Но я согласна и на шрам, и на рубец, потому что они будут напоминать мне о том, что я не сломала себя ради того, кто допустил возможность искать мне замену, а осталась собой.

Сама по себе я никогда не была душой.

Вот и теперь не планирую ей быть.

Конечно, двадцать пять лет отношений убедили меня в том, что мы с Бардиным и старость встретим вместе. Что будем соревноваться, кто первым подержит на руках внуков, когда их к нам привезут на выходные. Что будем вместе читать Сидни Шелдона, которого оба обожаем, передавая друг другу очки – одни на двоих. Что когда-нибудь все же победим обстоятельства, возьмем отпуск одновременно, отключим телефоны и уедем на целый месяц путешествовать – к морю, в горы, неважно куда, главное, вдвоем.

Но Бардин доказал, что случиться этим планам, увы, не суждено.

Что ж... хозяин – барин.

Переживу.

Потому что я... нет, я – не сильная женщина. Я – обычная, слабая, но вместе с тем любящая себя.

И именно поэтому я не сделаю другую вещь – я больше не возьму на себя вину за его подлость. Даже примерять не стану. Не займусь самокопанием и самоедством.

Не запятнаю себя попыткой проглотить «чё-дают».

Я – не плохая жена, не плохая мать, не плохая подруга. Дело вовсе не во мне.

Виновник всего – Анатолий.

Предатель – Анатолий.

Мерзавец и лжец – Анатолий.

Говорят, прощать – удел сильных людей.

Так вот, лучше я буду слабой, чем прощу то, что вытирать о меня ноги – это допустимо. Вот уж ни за что. Я себя не на помойке нашла.

Придя к такому выводу, подтягиваю к себе поближе телефон и вбиваю в поисковик запрос: «Как пережить смерть близкого человека».

Сверхцинично?

Может быть. Но после всего того, что сделал и сказал Бардин, он для меня, как близкий человек, как муж и как друг умер.

Яндекс моментально вываливает массу ссылок. Останавливаюсь на одной. Той, что ставит перед скорбящим четыре основные задачи, выполнение которых поможет ему вернуться к полноценной жизни:

Признать утрату. Пережить боль от потери. Реорганизовать быт и окружение. Выстроить новое отношение к умершему и продолжать жить.

Что ж, вполне себе достойный план. Пожалуй, возьму его на заметку.

Естественно, с отклонениями и поправками, все же я живой человек, у которого в душе по-прежнему кровоточит большая дыра. А еще я – женщина, которая допускает, что это сегодня она вывозит всё на нее свалившееся, а завтра, вполне возможно, скатится в истерику.

Но с чего-то же начинать нужно?

Вот и я начинаю.

С признания, что наш брак больше не жизнеспособен.

Впереди неизбежное – развод.

И тут на смену тоске, от которой хочется выть и лезть на стены, приходят вполне прозаические мысли.

Каким этот развод будет?

Я не из тех, кто довольствуется манной небесной. Мне еще двоих детей поднимать, даже если старшей дочери уже двадцать четыре, и она сама готовится стать матерью.

К тому же, будем объективны, своего положения и успеха Анатолий добился не с нуля. Первоначальный капитал на развитие бизнеса ему дал мой покойный отец, как и рекомендации. Так что уходить и гордо все оставлять молодой любовнице – это верх глупости.

Такого я не сделаю.

Меня устроит справедливый раздел имущества.

И тут же проскакивает мысль: а Толика он устроит? И есть ли у нас еще то, что делить? На кого записаны наши клиники? И наши ли они по документам? А дом, в котором мы живем? Недвижимость? Деньги на счетах?

Столько вопросов, вполне приземленных, над которыми я раньше не задумывалась. Не было повода.

Теперь все изменилось. Придется и задуматься, и задать. Сначала себе. Потом другим людям.

Не Бардину. Нет.

Надеяться на честность лжеца – такой себе аттракцион. На нем я кататься больше не хочу. Уже разок прокатилась. Любовь и верность, называется.

Не оценила.

Анатолий был прав только в одном во время нашего разговора. В том, что я – умная. Теперь еще и без иллюзий. Я не в курсе всех его дел, но того, что знаю вполне достаточно, чтобы не позволить ему выкинуть меня на улицу в одних трусах.

Губы сами собой изгибаются в циничной ухмылке.

Всего одна бессонная ночь, разбитое сердце и несколько чашек чая – и Анатолий из человека, которого я уважала и ценила, в моем представлении переквалифицируется в моего врага.

Пока неявного.

Но война план покажет. Роль бесхребетной овцы – она не для меня.

Рассвет встречаю все в том же кресле на веранде. Небо постепенно светлеет и выглядит просто восхитительно. Чистое, безоблачное. Обещающее погожий солнечный денек.

Поднявшись на ноги, возвращаюсь в дом.

Пора собираться на работу. Жизнь продолжается.

=====

Пока ждете продолжение, приглашаю в свою новинку "После измены счастье есть"
<https://litnet.com/shrt/lrgp>

=====

Глава 12

ВИКТОРИЯ

Контрастный душ. Черный с одной ложкой сахара кофе. Тщательный макияж, безупречная одежда.

Печаль в глазах убрать невозможно, но с краснотой и усталостью неплохо справляются глазные капли.

Пока прогревается машина, набираю Маришку.

– Привет, мамсик, – произносит младшенькая, широко зевая на первом слоге переделанного на подростковый лад слова «мама».

По интонации легко определяю ее местонахождение.

– Доброе утро, дочь. На часах уже восемь. Ты почему еще в кровати?

– Так нам же ко второму сегодня.

– А классный час?

– Не будет. Елешка на больничном.

Елешка – преподаватель математики и классный руководитель с железной закалкой, который отлично строит не только детей, но и родителей, неустанно доказывая, что советская школа жила, живет и жить будет. Даже в стенах супер-пупер-навороченного лица.

– Все понятно, Риш. Тогда хорошего дня! Бабуле с дедом привет.

– Оки, передам.

– Чмоки-чмоки, роднень.

– Погодь, мамсик, – тормозит мою попытку сбросить звонок. – А ты чего в такую рань не спишь?

– Так на работу вызвали, – делюсь безобидными новостями.

С обидными Бардин пусть сам разгребается. Как заварил кашу, так и расхлебывает. Вариант «вам, женщинам, друг с другом проще поговорить» меня больше не устраивает. Прошли те времена, когда я сглаживала углы.

Но дочка и от услышанного вспыхивает:

– У-у-у... изверги! У тебя ж заслуженный отпуск!

– Согласна, – смеюсь и будто тяжелый груз с плеч сбрасываю.

Маришка, сама того не зная, придает сил и заставляет улыбнуться.

В больнице мое появление встречают спокойно и с пониманием. Привыкли, что я здесь в любое время суток могу нарисоваться. Даже оформленный отпуск и твердые заверения, что ни одной ногой порог не переступлю, пока не отгуляю все до последнего часа, никого не смущают.

Киваю, здороваюсь. Запрашиваю необходимые документы по непростому пациенту. Встречаюсь с ним лично. Беседую.

– Анализы меня устраивают, – подвожу итог, закрывая медкарту и убирая ее в сторону. – А сами как настроены, Евгений Валерьевич?

– Домой хочу, – произносит он твердо, глядя прямо в глаза. – Но не хромать хочу еще больше.

– Не хромать – дело хорошее.

– Вот и я так думаю. Осталось дело сделать.

Сразу видно, мужчина суровый, давить и командовать привык. И чтобы на задних лапках тут же бежали исполнять. Не удивлюсь, если и наши бегают.

– Вы на операцию с Говорковым настраивались, – тоже говорю без обиняков. Хирургия требует четкого, холодного расчета и выдержки. На работе перестройка нервной системы сама собой происходит. И сейчас я с бывшим губернатором разговариваю, как хирург. Твердо,

собранно. Мы на равных. – Замена врача вас устраивает? Или дождетесь своего? Время позволяет.

– Вполне устраивает, Виктория Владимировна. Нечего тянуть.

Ну раз нечего...

– Хорошо. Тогда увидимся завтра в десять. Сейчас пришло к вам для беседы анестезиолога.

Прощаюсь с дежурной улыбкой на губах и иду в кабинет к Догилеву. Главврач на месте. Ждет. Полностью сосредоточившись, отчитываюсь по результатам. Согласуем ассистентов. Другие сопутствующие вопросы.

– Кофе выпьете, Виктория Владимировна? – предлагает Евгений Захарович.

– Спасибо, откажусь, – смотрю на часы. – Время перерыва. До кафе лучше прогуляюсь.

Перекушу, что посуущественней.

– Конечно. Вы ж еще вернетесь?

– Само собой.

Мне к Иришке в три на прием. Раньше у нее все забито.

– Хорошо. И еще. Вы не сомневайтесь, я этот и следующий день тоже рабочими вам в таблице проставлю.

Натягиваю улыбку, прищуриваюсь.

– Я не буду сомневаться, Евгений Захарович. Я проверю.

На том покидаю начальственный кабинет.

Возможность выдохнуть и расслабить плечи появляется только в кафе. Сюда наши редко приходят, предпочитая то, что ближе и побольше. Меня это вполне устраивает.

Но выдыхаю я недолго, потому что к моему столику направляется шикарно одетая уже знакомая мне шатенка с гривой медных кудряшек.

Красный брючный костюм. Молочного цвета расстегнутое пальто. Шпильки.

Азалия притягивает взгляды всех без исключения.

Она без приглашения опускается на свободной стул. Пристально меня изучает.

Я тоже смотрю. Молодая, красивая, свежая. Выспавшаяся в отличие от меня. И снова этот умный и одновременно хищный взгляд.

Я думала, что буду ее ненавидеть. Но нет. Есть брезгливость – ее не отнять. А ненависти нет. Это не она мне изменяла. Не она меня разочаровывала. Это всё сделал Бардин.

– Нам надо поговорить, Виктория, – произносит она твердо.

Я же цепляюсь глазами за браслет на ее руке, выглянувший из-под манжета пиджака. Дорогой. Очень дорогой.

Припоминаю квартиру бизнес-класса... Сколько ж денег мой щедрый муженек на эту бабу тратит?!

Перевожу взгляд с браслета на лицо своей неожиданной собеседницы. Не знаю, чего она от меня ждет.

Того, что устрою потасовку или буду скандалить?

Зря. Не дождется.

Я – не базарная баба. Я уважаю себя и свои принципы. Я дорожу своей репутацией.

А еще я придерживаюсь точки зрения, что выносить сор из избы – пустое дело. Демонстрировать эмоции сидящей напротив меня кукле – тем более. Разбираться и разводиться я буду с мужем. Делить совместно нажитое – тоже с ним.

И да, я это сделаю.

Я заберу все свое, принадлежащее мне по праву, и проживу свободно и обязательно счастливо. А Анатолию, так и быть, оставлю возможность трахать все, что движется, без оглядки на уже ненужную ему семью.

– Я вас внимательно слушаю.

Мой голос спокоен и не выказывает ни грамма той боли, которая жжет до сих пор изнутри. Как бы не неприятна мне была сидящая напротив девушка, я ей этого не покажу.

Устанет ждать реакции.

– Анатолий сегодня снова ночевал у меня, – Азалия сразу переходит к делу и явно сдерживается. Я задала планку эмоциональной стойкости, и она старательно пытается ее не уронить.

– И? – уточняю бесстрастно.

Не просто же так она сюда пришла. Явно почесать свое ЧСВ.

Пусть попробует.

А я посмотрю... и послушаю. Внимательно. И с удовольствием. Умение слушать и слышать то, что вам говорят – очень полезный навык.

А вот вываливать на оппонента информацию, собственные переживания и кучу еще всего – большая ошибка. Впрочем, какие у Азалии годы.

Быть чуть-чуть дурочкой ей позволительно.

– Он... любит меня. Мы с ним вместе уже полгода. Но ему жалко вас, Виктория, поэтому он никак не может решиться на развод. Однако теперь, когда вы о нас знаете, вы сами должны его отпустить.

Она смотрит на меня широко раскрытыми желто-зелеными глазами. Фарфоровая кожа без единого изъяна. На губах коралловый блеск. Длинные ресницы добавляют ей очарования. Выглядит моложе своих двадцати девяти и чарующе неискушенной. С такой тягаться тетке-ягодке сложновато...

Да только я и не планирую...

Но говорить об этом ей?

Ни за что!

Проблема в другом. Мне не нравится предложение: «Попользовалась, Викуся, а теперь отвали в сторону. Пришла моя очередь пользоваться твоего муженька».

Даже если я брезгливая и Бардин мне уже нафиг не сдался, переквалифицироваться в Фею-крестную и дарить ей своего мужа лишь потому, что она захотела, не собираюсь.

Во мне просыпается что-то тёмное, алчное, что есть в каждом человеке.

В голове, словно петарды, взрываются ее фразы: «Он любит меня», «Мы вместе уже полгода», «Ему жалко вас», «Развод», «Должны отпустить».

Каждое слово рвет душу на части и что-то убивает во мне. Может быть, наивную девочку, подарившую себя одному-единственному мужчине и долгие годы, хранившую ему верность. Может быть, веру в доброту людей, в их порядочность и человечность.

Это рождает внутри такой мощный протест и желание дать отпор, что я задвигаю Вику-лапочку поглубже и выпускаю на волю Викусю-стерву.

Быть хорошей – уже себя не оправдало. Значит, я буду плохой.

Опускаю взгляд на секунду вниз, затем снова смотрю в лицо собеседницы. Чуть улыбаюсь.

– Азалия, вам не стоило приходить ко мне и унижаться... но раз уж решились, то и я вам скажу одну вещь. Я признаю, что мужчины по натуре полигамны. Им требуется секс. Много секса. Нам, женщинам, надо его гораздо меньше. Так что, я даже рада, что у Толика появились вы. Теперь он не юзает меня каждую ночь, дает спокойно и сладко отоспаться. А напряжение сбрасывает ни не пойми где и с кем, а с вами, уже знакомой девицей.

Кукольное личико вытягивается, желто-зеленые глазки начинают метать молнии.

Ну вот, а так долго косила под тихоню. Притворщица!

– Он не спит с тобой! – шипит кудряшка раздраженно.

Господи, какие же мы, бабы, все же дуры! Что жены, что любовницы.

И смех, и слезы, честное слово.

– Спит, – подтверждаю ответ кивком головы.

И ведь не вру. Спит. И секс у нас все такой же яркий. Во всяком случае по моим ощущениям. Анатолий по-прежнему меня хочет.

Щеки девушки вспыхивают огнем.

– Неважно! – опалает ненавистью во взгляде. – Все равно твое время вышло. Лучше разведись сама, сохрани гордость. Иначе он все равно скоро тебя бросит.

– Меня муж бросит? – припоминаю, как Бардин согласился на любовника, лишь бы брак сохранить, и не сдерживаю смешка. – Азалия, сними розовые очки. Они тебе не идут. Все же тридцатка скоро, а не двадцать пять. Браки не держатся на голом сексе, причем, уже давно.

Она резко встает со стула, так, что тот падает на спинку, создавая грохот и привлекая к нам ненужное внимание.

– Ещё посмотрим! – бросает в сердцах и стремительно удаляется.

Я остаюсь сидеть и взглядом ищу кого-то из официантов. Впрочем, девушка в форменной одежде уже спешит ко мне. Поднимает стул, вежливо улыбается и спрашивает, не хочу ли я чего-нибудь.

Да, очень хочу. Голову Бардина на блюде с апельсинами. За всю эту унижительную сцену.

=====

Моя новинка "Я не сделаю тебе больно" <https://litnet.com/shrt/9Kxu>

Он протянул мне руку помощи в тот момент, когда весь мир от меня отвернулся. Когда любимый предал, работы лишили, а желанную беременность насильно прервали.
 Он – младший брат моего мужчины. Точнее, уже не моего.
 Он – единственный, кто захотел меня защитить, кто подарил кольцо и тихо пообещал: "Я не сделаю тебе больно".

Глава 13

ВИКТОРИЯ

Унизительная сцена, вместо того чтобы выбить из колеи, придает новых сил, будто потаенные резервы открываются, и наполняет меня здоровой агрессией.

Зря Азалия ко мне сунулась! Очень зря!

Планировала деморализовать и внушить неуверенность? Заставить метаться и истерить? Сложить лапки и, поджав хвостик, валить на хрен с насиженного и облагороженного места?

Утрется, мечтавши!

Ее глупая выходка сыграла с точностью наоборот.

Вместо своей силы она продемонстрировала мне собственную закомплексованность и шаткость положения. Лишний раз подтвердила, о чем я и так в курсе. Жена – это жена, величина весомая и ценная. А любовница, пусть свежая, как майская роза, всего лишь актриса на вторых ролях.

Было б иначе, рвалась бы она так усердно в дамки?

Нет, конечно. Сидела б и не чирикала. А раз прилетела всю себя молодую, красивую и напомаженную демонстрировать...

Усмехаюсь и возвращаюсь к заданному мне вопросу.

– Медальоны с грибами, салат с рукколой и двойной эспрессо, – диктую официантке заказ.

Война войной, а обед по расписанию.

Прислушиваюсь к себе и радуюсь проснувшемуся аппетиту.

Вот оно! То, что не даст мне сломаться, – умение ценить себя и понимание, что, даже изменившись, моя жизнь все равно будет приносить мне удовольствие.

Будет.

Непреренно.

Просто удовольствие станет иным.

Втянув в себя невероятно аппетитный аромат приготовленных блюд, беру в руки вилку и нож и принимаюсь за еду. Очень вкусно, наслаждаюсь каждым кусочком. Оказывается, я была сильно голодна.

Взгляд, ни на ком особо не фиксируясь, скользит по посетителям кафе. Их немного. Молодежи почти нет. В основном более зрелый контингент. Зрелый и с достатком, который не выпячивается напоказ, а отражается в мелочах.

А ведь мой муж – богатый мужчина. И, если при разводе я заберу свою половину, то тоже стану довольно богатой женщиной. Богатой, свободной, независимой и, чего уж там, вполне себе молодой, о чем бы там не размусоливал Бардин.

Сорок пять – вполне себе еще о-го-го!

В этом направлении и стоит двигаться.

Не терять драгоценное время на того, кто меня не ценит, а, пока полна сил и желания жить, забирать своё и выстраивать жизнь так, как нравится именно мне.

Но перед этим досконально изучить вопрос о разводе и все, с ним связанное, вдобавок, если выгорит, подергать мужа за усы, проверив грани допустимого. Свободные отношения он мне предлагал, да?

Посмотрим мы на эти свободные отношения и на то, как Анатолию я стала безразлична.

Уже на выходе из кафе, сталкиваюсь с мужчиной лет примерно сорока. Красивая фигура, симпатичное лицо. Мы пересекаемся взглядами.

Как это – быть с кем-то, кроме Бардина? Ну не один же он – пуп земли, который умеет превращать секс в приятное времяпрепровождение... Другие, думаю, тоже на многое горазды... Просто я об этом раньше не задумывалась... а теперь вот...

Незнакомец замечает мой интерес и дарит улыбку. Но вместо того, чтобы отойти в сторону и пропустить меня к выходу, вновь отступает к двери и помогает ее распахнуть.

– Прошу.

– Спасибо, – искренне его благодарю и тут же получаю в ответ веселое подмигивание.

– Всегда пожалуйста, – а после пожелание. – Хорошего дня!

– И вам того же! – киваю и покидаю кафе.

Вот оно, подтверждение, что жизнь не закончилась.

Она продолжается, пока мы горазды этого хотеть и замечать. А Толик... зря он, конечно, решил списать меня в утиль.

На секунду останавливаюсь у края тротуара и делаю глубокий вдох полной грудью.

Хорошо-то как. Ласковое солнышко весело пригревает, в воздухе улавливается ни с чем несравнимый запах черемухи. Наслаждаюсь ее ароматом.

Раньше муж часто дарил мне цветы. Не только покупные букеты, но и охапками сорванные. Сирень, черемуху, жасмин. Знал, что я их люблю, вот и баловал. Раньше... А теперь? Обязательный букет на восьмое марта и еще один на день рождения. Всё. Не удивлюсь, если «спасибо» за них нужно было говорить не Толе, а его секретарю.

Часы на запястье подтверждают, что пора возвращаться в клинику.

Следуя привычным маршрутом, кручу в голове варианты, к кому могу обратиться, чтобы выяснить имущественные и финансовые возможности нашей пока-семьи. Интернет выдает список инстанций, чьи полномочия это позволяют узнать. Выбор не особо велик. Но, благодаря моей профессии, как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей, ну или благодарных пациентов, готовых «помочь, чем только смогут», нахожу парочку тех, кто в теме.

Остановившись в скверике перед центральным входом, осматриваюсь, чтобы поблизости не было любопытных, и набираю одного и второго. Мне отвечают. Договариваюсь о встречах.

Дальше пара часов проходит в привычной рутине. Появляюсь то в одной части клиники, то в другой.

Порог кабинета подруги переступаю в три – ноль две, когда у нее заканчивается прием последнего пациента, и медсестра оставляет нас с Федоровой наедине.

– Привет, Ириш! Я пришла сдаваться, – говорю, переставая трепать нижнюю губу верхними зубами.

– Привет, моя хорошая. Как ты?

Ирина выходит из-за стола и без разговоров меня обнимает.

– Нервячок одолевает, – признаюсь, обнимая ее в ответ.

– А мы сейчас с тобой всё-всё-всё проверим, все-все-все анализы сдадим и внимательно изучим. Убедимся, что организм в порядке, и ты больше не будешь переживать. Договорились? – спокойный тон, уверенность во взгляде, поддержка в каждом жесте.

– Договорились. Не представляешь, как я буду рада, если хоть один пункт из списка нервирующих проблем, вычеркнется.

– Все наладится, вот увидишь.

– Именно так! – не допускаю и капли сомнения.

Глава 14

ВИКТОРИЯ

Здорова!

Здорова!

Господи, счастье-то какое!

С плеч будто пудовые гири спадают. Почему-то я была твердо уверена, что ничего хорошего подруга мне не скажет. Так сильно себя накрутила, мысленно представляя гору лекарств и массу неприятных процедур, которые придется выдержать, чтобы поправить женское здоровье, а еще слухи... о, слухи – наше всё. Больница – тот еще рассадник болтушек. Мужчин мало, женщин много, а уж желающих почесать языками – пруд пруди... Хлебом не корми, дай другим кости перемыть и яд спустить.

Потому, когда Ирина говорит, что все в порядке и беспокоиться не о чем, еще дважды ее переспрашиваю. А потом едва не плачу от радости.

О, эта великая сила хороших новостей. Она не только дарит крылья за спиной, но и делает бесконечный сложный день, начавшийся больше суток назад, не столь черным и беспросветным, как себя накрутила.

Первый кирпичик новой жизни сегодня я положила.

Я – умница. Выяснила, что здорова. И это главное, потому что, будучи здоровым, со всем остальным человек справляется много легче.

Домой возвращаюсь всё ещё под впечатлением. Уставшей, но не сломленной.

И пусть понимаю, что все великие битвы еще только предстоит пройти, у меня есть тот самый кирпичик, на который я буду опираться, чтобы закладывать новые.

– Мамсик, привет!

Маришка, будто ураган, слетает с лестницы и тут же бросается обниматься.

Моя тактильная девочка. Кажется, только вчера носила ее на руках, памперсы меняла и целовала в пяточки, а оказывается уже четырнадцать годков минуло. Передо мной практически самостоятельный человечек, хоть и выглядит, как тощенький, худенький олененок с большими красивыми глазами, перегнавший свою маму в росте.

– Привет, Риш, – целую ее в подставленную щеку. – Ты у бабушки с дедом «Растишку» что ли все дни пила? Еще выше стала, дочь!

– Да ну брось, я еще не особо высокая, – отмахивается она, а сама довольно выпрямляет спинку.

Скинув обувь, тащу ее к зеркалу и ставлю рядом с собой.

– Ну и? Будешь спорить?

– Да мы почти одинаковые, – улыбается «мелкая».

– Ага-ага, плюс-минус десять сантиметров не в счет? – подкалываю, подмигивая её отражению в зеркале.

– Именно.

Маришка отстраняется и, скрестив руки на груди, упирается плечом в стену возле зеркала. А я спокойно раздеваюсь. Снимаю верхнюю одежду и отправляю ее на вешалку. Следом определяю туда же шарфик.

– Как дела в школе?

Вытащив из прически пару шпилек, встряхиваю волосами.

Ох, какое блаженство. Растираю подушечками пальцев затылок.

– Норм, – Марина пожимает плечами и ехидно добавляет. – Представляешь, стоит целая и невредимая на том же самом месте, что и в пятницу, и даже никто ее не сжег, хотя постоянно грозятся.

– Риша! – качаю головой.

На что она только отмахивается, как от неинтересного, и тут же переключается на более, по ее мнению, важное:

– А что у нас за повод такой для семейного торжественного обеда в понедельник появился, м?

– Не поняла.

Не скрываю удивления во взгляде.

– Э-э-э... это я не поняла, – младшая Бардина, сводит брови на переносице. – Папуля отзвонился, сказал, что через, – вытянув из заднего кармана джинсовых шорт телефон, проверяет время, – полчаса привезут ужин из ресторана. Мне нужно дождаться курьера, всё получить и помочь накрыть на стол. Даже Ланка приедет.

– Светлана?

– Ага. Она мне час назад звонила. Интересовалась поводом. Но я ни бе, ни ме, ни ку-ка-ре-ку... А ты, мамсик?

– Да я, в общем-то, тоже, Риш, ни бе, ни ме.

– Вот как? – сканирует меня взглядом дочка. Получает уверенный кивок и задумчиво жуёт нижнюю губу. – Очень интересно.

А мне вот неинтересно от слова «совсем».

Что еще Бардин задумал?

Обняв себя руками, растираю плечи. Всегда так неосознанно делаю, когда нервничаю.

– Погоди-погоди, мамуль, ты реально не в курсе что ли? – Маришка все никак не может успокоиться.

– Первый раз слышу.

– Упс! Вот я шляпа! – дочка хлопает себя ладошкой по лбу и поясняет поведение. – Так, может, это папочка сюрприз тебе подготовил, а я проболталась?

– Сюрприз? – кривовато усмехаюсь.

Что-то как-то не хочется мне от Толика новых сюрпризов. Совсем не хочется. В последнее время ничем хорошим они не пахнут, только лишь неприятностями и дерь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.